

УДК 1: 321.01: 316. 42

**ТАВРО КАССАНДРЫ: РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ
И РЕАКЦИОННОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ЖИЗНИ
(статья 2)**

В.В. Ильин*, С.О. Рамазанов, А.В. Тимофеев*****

* ГБОУ ВПО Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана, г. Москва

** ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА
им. К.А. Тимирязева» г. Москва

*** ФГБОУ ВПО «Самарский государственный аэрокосмический университет
имени академика С.П. Королева (национальный исследовательский универси-
тет), г. Самара

Рассматриваются идейно-символические основания социально-преобразовательного опыта отечественной действительности. Раскрываются особенности движения от продуктивной мысли к практическому результату в общественной обновленческой деятельности.

Ключевые слова: революция, инновация, реформа, социальное созидание.

Революции зачинались по мировым (Свобода! Равенство! Братство! Собственность!), а не животрепещущим вопросам и всегда самозаблачивались, входя в соприкосновение с последними. Животрепещущие вопросы существования – вопросы жизнеподдержания, жизнеобеспечения, жизневоспроизводства – имеют две стороны: социальную и экзистенциальную. Западная революция в общем и преимущественно сосредоточивается на первой, российская революция – на второй.

Смысл социальных трансформаций – добиться большей эффективности общественного вовлечения и участия с конечным повышением уровня жизни. Хотя, как мы не устаем повторять, такого рода проблемы революциями не решаются и революциями не решимы (революции решают властный, а не социальный вопрос; социальный вопрос – сверхзадача реформы), на Западе есть интенция связывать одно с другим. Ничего схожего не просматривается в России. Развертывание революции здесь поглощается собственным своим развертыванием. До актуализации социального (народного) вопроса – поиска, нахождения эффективных форм вовлечения и участия, повышения качества жизни – не доходит. Обращение к Богу подменяется отнесением к дьяволу. Последнее обслуживает демаркация, разделяющая граждан на овец и козлищ, со всеми вытекающими отсюда скороспелыми оргвыводами. В городе Глупове, не терпя «дурных страстей», внедряют новую религию «начальственного послушания». В городе Градове, не терпя тех же страстей, внедряют новую религию «революционного долга». Если крепостничество – то на дворе, если коммунизм – то в сердце, если пере-

стройка – то в голове, если либерально-рыночная демократия – то в душе. (Как будто другим жить нечем.) И для острастки, недопущения бунта против оригинала, обретения молитвенной покорности, то бишь бодрости духа, каждого – в струну, бараний рог, ежовую рукавицу. Знай и принимай: кто не с нами, весь до остатка, тот не наш.

Будем же тверды и искренни, скажем: подобная трактовка модернизации – не социологическая, а подпольно-сектантская. Напомним, подпольные (революционные) сектанты: а) сторонятся реальности, бегут от мира, располагаются вне подлинной бытовой жизни – в мире призраков, мечтаний; б) погрязают в метафизическом выполнении личного назначения; в) в реализации своей миссии «высших существ» (самозванцев) делаются тиранами и повелителями, палачами и висельниками, мародерами и карателями, диктаторами и авантюристами, деспотами и гонителями. В налаживании действительности ex novo имеющие значение «всемства» сверхчеловеки по принципу «чем гуще трава, тем легче ее косить» развязывают не ведущую ни к чему бессмысленную активность. Страшно, если объектом ее оказывается мир повседневной будничности. Тут мы попали в точку. Драматическую изнанку российской революции – в отличие от западной – составляет специфическая тенденция: изменение общественных устоев увязывать с пересозданием частных порядков – повседневно-будничного. Такого рода увязывание и порождает сверхразрушительный эффект – революция пьет и не может насытиться, жизнь по всем швам трещит, превращаясь в уродство, приковывающее крепче всякой цепи.

Воистину хорошо прожил тот, кто хорошо утаился. Столь далеко в тенета рукотворения революционных заповедников Запад не заходил (исключение – фашизм, единственный в западной культуре покусившийся на пересоздание повседневно-будничного).

Чем выше шансы подлинности (всеохватности) революции, тем выше возможности краха жизни. Действительно. Как устраивать существование человеку, которому предлагают протягивать ноги по длине одеяла – в противном случае их рубят.

Самое страшное – не принадлежать себе, не иметь сознания самодостаточности самости, не сметь распоряжаться собой в малом мире – повседневно-будничном бытовании.

Пароксизмы революционного – нединамичного, катастрофического – державного шага России – от безалаберных, неделикатных интервенций большой социальности в малую, от безапелляционных разрушений просточеловеческих, частных локалов (вспомним навязчивые директивы Швондера). Отечественная история лишена трепетного отношения к обыденности, в ней явный дефицит лояльности к хрупкому повседневно-обыденному.

Задумаемся: против чего по приезде домой с такой нетерпимостью, ожесточенностью восстает Одиссей? Ситуация, в общем, пре-

дельно проста, даже банальна. В отсутствие мужчины женщина вправе делать выбор, устраивать личную жизнь. (Сами себя спросим: сколько в принципе можно поддерживать чувство, сохранять верность? Любовь – отношение в чем-то субстанциальное: субстанциально мы любим родителей, детей, братьев, Родину, дело; а в чем-то релятивное: релятивно (оперативно) мы любим женщин, друзей, оказывающихся нам близкими. Субстанциальная любовь при определенных условиях может быть релятивизирована, скажем, введением соответствующей системы отсчета, временной дельты. Проблематизируем твердость взаимной верности. Человек, наверное, сохранит верность в любви в течение часа, дня, недели. Не будем томить душу – ну а в течение ста лет? Вопрос, скорее всего, подведет черту. Обходя феномены легендарные, достойные одических воплощений и потому нереальные, признаем, что в рутинном жизненном самотеке верность в интервалах, сопоставимых с человеческим веком, не хранят. Люди созданы друг для друга, и человек, на протяжении длительного времени не нашедший своей половины, в чем-то не полноценен.) Вернемся к нашим баранам. Одинокая, в меру свободная (практически утратившая надежду на возвращение супруга) женщина производить жизненный выбор вправе. Ничего необыкновенного в этом нет. (Не жил же, в самом деле, всё это время Одиссей жизнью постника.) Так чем объяснить оголтелую реакцию возвратившегося мужа, не выдворяющего домогателей Пенелопы (что было бы понятно и естественно), а устраивающего жестокий самосуд, учиняющего кровавую бойню?

На поверхности неоправданно резкие действия Одиссея объясняются сущностным смыслом борьбы. Одиссей воюет не с соперниками–претендентами на относительно свободную женщину, а с ворами, пытавшимися украсть у него его мир, созданный им собственными руками. Дороже своего мира, который можно ощущать, которого можно касаться, к которому можно припадать в будничности, – не существует. И отнимать его, вторгаться в него никто не волен. Покушаться на него означает покушаться на его автора.

Пережить нашествие в страну возможно. Пережить нашествие в дом невозможно. Захват державы (как ни кощунственно это звучит) позволяет сохранить себя. Захват дома сделать подобного не позволяет. Оккупация очага влечет безысходность: утратившему самость лицу деться некуда. Отсюда – безутешный протест: самый отчаянный, самый последний бой – за порог своего дома. Где ты хозяин своей судьбы, где ты устраиваешь жизнь по своей воле.

Бытие, бывание, быт, обывательство, обывание – ряд гомологичных фигур, передающих капитальные модусы существования. В качестве таковых первые два личностно выхолощены, тогда как вторые три персонально выражены. Удаленность – близость лицу специфицирует бытие, диверсифицируя его качественно. Бытие «в себе», «само по себе» – человеческому безучастно; бытие «для меня» – человеческому причастно.

Одиссей и воюет за бытие «для себя», выдворяя из него не столько домогателей Пенелопы, сколько пришлых, чуждых захватчиков, посягавших на строй его частного бытия, им заведенный уклад. Каждое лицо имеет право на самоутверждение по «своим целям», борьба за которое осмыслена и понятна. Такова схема ситуации в случае гомеровского героя. Но не такова схема ситуации в случае российского народа.

Социальные революции, перевороты в России протекают как агрессивная интервенция в частную жизнь. Пришел Петр, обложил налогами. Возник Сталин, провел раскулачивание. Появился Хрущев, произвел изъятие приусадебных земель. Дал Брежнев 6 соток, обусловил владельчество. Так во всем. Преобразования не для человека, а за счет человека. Всякий шаг обставляется. Не опосредованно, а непосредственно. Не в большой социальности, а в малой.

Случай – «мощное, мгновенное орудие Провидения», высказывает Пушкин. Череда случаев, т. е. вмешательство самого Провидения, не позволяет России обрести себя. Не позволяет потому, что подрывает «просточеловека», к которому время от времени захаживает невесть кто, невесть по какому праву и изымает то семенной фонд, то птицу, то скотину, то землю, то его самого... Бесконечные беспардонные вмешательства в малый мир лишают лицо и богатства, и собственности, и достатка – безусловно. Но и, много важнее, – самоорганизованности, продуктивности, инициативности. В качестве печального резюме – неспособность 1/8 планетарной суши накормить себя, производственная апатия, иждивенчество, низкая адаптивность. При наличии колоссального потенциала – невиданных сил – не абсурдно ли прозябать? Абсурдно. Однако состояние абсурда вынужденно: пока человека не раскрепостить в буднично-обыденном, малом мире, никакими потугами его жизнь не наладить. Апология обыденности, таким образом, индуцирует крайне важные и, без сомнения, всеобщие применительно к российским реалиям модернизационные смыслы:

– предпосылка налаживания жизни в России – фронтальная реабилитация повседневно-обыденного, «просточеловеческого» мира (где человек максимально самоорганизован, рационален – не в просвещенческом доктринальном смысле, а в смысле причастности к житейскому «обывательскому» здравомыслию), органично запускающего механизмы инициативы на базе устроительной энергии масс (ср. столыпинские реформы, НЭП);

– устроительные проекты поднимают статус малой социальности (значимость лица, живущего обозримыми, естественными – не в просвещенческом смысле – «медленными» трудами), она святая святых человечности, все трагедии от ее деформации;

– восстанавливается в правах «мещанство». Пора ясно представить себе полное значение слова. Мещане не те, кто по духовной своей бедности отметаю абсолютные ценности, злобствуют против благо-

родной культуры, гениев и творцов, религии, философии, эстетики [1, с. 152]. Ничего подобного мещане в отличие от деятелей контркультуры делать себе не позволяют. Мещане – это люди, внимание которых поглощено несколько иным – не дальними (абстрактными относительно руганного жизнетока), а ближними ценностями, центрирующими временное вопреки вечному. Здесь – конкретные заботы по благоустройству, устройству быта, обихожению царства мира сего, поддержанию домочадцев. Ничего порочного, предосудительного в стремлении к крепкой жизни нет. На мещанах – продуктивных, крепких хозяевах – издревле стоял мир. С этой точки зрения, если угодно, типичный мещанин – Одиссей, поставивший крепость своего локала выше (многих) человеческих жизней;

– поражаются в правах разрушители продуктивно-личностного Швондеры – Шариковы. Данная пара – зависимые друг от друга близнецы-братья, выступают не в качестве самодостаточных индивидов. Они – зловеще типическое явление, опасное для перспектив налаживания российского мира. С социально-исторической арены Отечества их надлежит выдворить.

Говоря односложно, пафос сказанного – в открытии значения «личности на почве значения массы» (Короленко); открытие это, надо думать, позволит России сделать верный выбор.

Так мало сделано – так много предстоит сделать. Основное же – перед тем, как делать, – сделать правильный, адекватный выбор. В России теперь – разного рода кризисы: духовный, культурный, хозяйственный, национальный. Вместе они единятся в совокупный державный кризис. Какие антикризисные возможности обсуждаются? Так как державное положение незавидно, просматриваемые возможности скудны. Фигурируют линии:

– религиозное возрождение: вытекающий из веховско-толстовской программы проект «религиозно общественного» (Мережковский) спасения России. Неперспективность платформы обусловлена игнорированием: а) поликонфессиональности страны, исключаяющей религиозную вражду, вероисповедные войны; б) отстаивания православием (количественно наиболее представительной религией) мирской, а не трудовой аскезы (с сильными традициями внеэкономической – нестяжательской мотивации); в) сильных влияний светской культуры; г) отсутствия былых хозяйственных носителей «религиозного духа» в лице толстовских и старообрядческих общин и коммун, раскассированных (в качестве живого укора волонтарно сбиваемым антипроизводительным колхозам и совхозам) в самом начале коллективизации; д) невозможности оформления в сколь-нибудь значимых масштабах тоухидной экономики (опора на мусульманство);

– почвенничество: акцент самобытной державно-хозяйственной организации, оставляющей втуне определенность институционально-

воспроизводственных механизмов жизнеобеспечения (которые, кстати, и не выказали в веках своей предпочтительности);

– западничество: далеко идущая культивация институтов либерально-рыночной демократии. Издержки проекта: а) социальная цена инноваций (перед лицом депопуляции, резкого снижения качества жизни, развала исконно действенных, отработанных систем образования, здравоохранения, социального обеспечения); б) близорукая ставка на челноков как субъектов-носителей производительно нового. Во-первых, челноки не генераторы, а трансляторы ценностей; во-вторых, они не удовлетворяют потребностей населения в планетарной суши; в-третьих, они не содействуют национальному производительно подъему;

– коммунизм: реанимация социалистического пути. Наше принципиальное возражение платформе – не уточняется как содержание, так и форма реставрации бывшего в социалистическом прошлом, что не избавляет от кошмара времен минувших. Как мы теперь знаем, нельзя социальную бедность превращать в социальное богатство; путем накопления зла нельзя создавать общество справедливости; посредством развязывания революционной или плановой стихии нельзя строить организацию;

– оседлание криминала: ставка на теневую политическую и хозяйственную инфраструктуру. Расцветшие пышным пустоцветом в наличной высоко дезорганизованной российской жизни преступные элементы, мафиозные группы олицетворяют откровенно тривиальную в производительно отношении перераспределительную систему. Ни «паханы», ни «шестерки» не имеют навыков продуктивно-созидательного труда, чувства гражданской ответственности за делаемое.

«Жизнь надо или прожить, или в книгу вложить», – говорит Пирранделло. Судьбу России можно связывать с претворением доктринально удостоверимых идеалов. Это опробованный национальной историей просвещенческий метод ментора. Как таковой, по-нашему, он должен стать нереставрируемым достоянием прошлого.

Наш взгляд: России требуется оценить себя, свои перспективы на фоне иной – непросвещенческой – веры. С позиций заявленного нами уровня понимания национальную судьбу следует связывать не с идеалом, а с интересом. Обустройство России не может в очередной раз стать жертвой просвещенческих раритетов. Последнее предопределяет предпосылочный поворот: от идеала к интересу, от схематичной доктрины к полнокровной жизни. Жизненная судьба России самоценна – обуславливая все, она не может быть обуславливаема никакими «более фундаментальными» ценностями. Цель обновления России – Россия: держава, народ, ответственное гражданское лицо; остальное – средство, хотя бы и влекущее к себе, как Екклесиаст, Евангелие.

На стезе земной полноты жизни уместно выказать холодный нигилизм просвещенческой бумажной философии. По этой причине предпосылочный поворот ориентирует на ряд смежных поворотов. Коль

скоро кризис в современной России ценностный, перспектива выхода из него просматривается в переходе на иную ценностную платформу существования.

Выбор России, следовательно, состоит в череде ценностных поворотов:

– от вселенского к национальному: Россия оставляет промыслительный мессионизм и миссионизм. Отказываясь от выражения, проведения всеобщего интереса, она живет интересом частным – народным, национальным;

– от державного к личностному: люди, строящие, укрепляющие сильную государственность (империю) в России, наступали на человека, отчего личного, индивидуального, самостоятельного, вольного в России не выработано [2, с. 384–385];

– от большой социальности к малой социальности: на фоне апологии повседневно-обыденного, комплексной реабилитации малых, медленных трудов осуществляется адресная поддержка «просточеловеческого» мира.

Триединый ценностный поворот позволяет:

– высвободить естественную энергию самоорганизации и самоадаптации низового уровня – наиболее эффективный вид деятельной силы в вопросах ненасильственного эволюционного развития;

– преодолеть порочное, терзающее влияние вирулентных комплексов Пигмалиона, Прометея, Зевса.

Комплекс Пигмалиона демпфируется разрушением панлогизма: повороты к национальному, личностному, «просточеловеческому», дистанцируя замысел и воплощение, обязывают проводить тщательный гуманитарный обсчет инновационной деятельности.

Комплекс Прометея нейтрализуется санацией «пламенной революционности»: жизнь по интересу в сбережении нации, лица, малого мира отменяет импульсивный энтузиазм безосновного преобразования.

Комплекс Зевса блокируется граждански развитыми антиавторитарными, антитоталитарными, антимонопольными процедурами, подвигающими корректировать желания, а не порядок мира, побеждать себя, а не судьбу, в претензиях бюрократически-волонтарно вершить жизнь, творить историю.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Революция и культура // Полярная звезда. 1905. № 2. С. 146–155.
2. Кавелин К.Д. Собрание сочинений: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897–1907. Т. 3. 471 с.

**CASSANDRA'S BRAND: REVOLUTIONARY
AND REACTIONARY IN RUSSIAN LIFE
PART 2**

V.V. Илин*, S.O. Ramazanov, A.V. Timofeev*****

* Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow

** Moscow State Agricultural Academy named after C.A. Timiryazev

*** Samara State air-cosmic university named after S.P. Korolev

The article is aimed at the analysis of the ideological and symbolic foundations of the Russian social reality practical transformation experience. The specific traits of the transition from the productive thought to the practical result in the social innovative activity are examined.

Keywords: *revolution, innovation, reform, social creation.*

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор ГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», г. Москва. E-mail: vvilin@yandex.ru.

РАМАЗАНОВ Сираждин Омарович – кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии и социологии ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева, Москва. E-mail: sramazanov@mail.ru

ТИМОФЕЕВ Александр Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры ПМ и ВТ СГАУ ФГБОУ ВПО «Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет), Самара. E-mail: timofeev av@list.ru

Authors information:

ILYIN Viktor Vasilyevich – Ph.D., Prof. of Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow. E-mail: vvilin@yandex.ru

RAMAZANOV Sirajdin Omarovich – Ph.D., lecturer, Philosophy and Sociology Dept., Moscow State Agricultural Academy named after C.A. Timiryazev. E-mail: sramazanov@mail.ru

TIMOFEEV Alexander Vadimovich – Ph.D. (Pedagogy), Assoc. Prof. of the Dept. of Applied mathematics and information technology, Samara State air-cosmic university named after S.P. Korolev. E-mail: timofeev av@list.ru